(cc) BY

Корытко Кирилл Александрович
студент, иеромонах
Духовная образовательная организация
ВО «Московская духовная академия Русской Православной церкви»
г. Сергиев Посад, Московская область

ВЗГЛЯДЫ НА ПРАВОСЛАВНУЮ ЭККЛЕЗИОЛОГИЮ Н.А. БЕРДЯЕВА

Аннотация*: в статье автор рассматривает учение и понимание о церкви, ее задачах и служении русского религиозного мыслителя и философа Н.А. Бердяева. Церковь, по мысли философа, – это таинственное соединение земного и небесного.*

Ключевые слова*: экклезиология, учение о церкви, богословие, русская религиозная философия.*

Особое понимание Церкви присутствует в философских трудах Николая Александровича Бердяева. Расцвет его творчества приходится на период эмиграции, жизни в Париже. В годы же раннего творчество, еще живя в России, Н.А. Бердяев издает ряд статей и книг, в которых стремится охарактеризовать свое в*и*дение Церкви.

Николай Александрович уважительно относится к богословскому наследию А.С. Хомякова. Ему он посвящает отдельное исследование, в котором он стремится дать цельный образ этого русского философа, положившему определенное начало возрождению обсуждения православной экклезиологии. Ключевое значение Алексея Степановича в этом процессе, по мнению Н.А. Бердяева, заключается в его свободе от уз догматической схоластики [1, с. 299]. Создавая свое видение Церкви, не увлекаясь западными догматическими схемами, А.С. Хомяков стал первым русским православным богословом. При этом у первого было абсолютное ощущение своего членства в Теле Христовом. «Точно струя свежего воздуха вошла вместе с ним в православную религиозную мысль», – пишет Н.А. Бердяев [1, с. 299].

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Последний, относясь к Церкви как к вселенскому мистическому организму всех верующих во Христа Иисуса, критикует Алексея Степановича за недостаток любви к западному христианству [1, с. 311]. Он сожалеет, что тот не смог рассмотреть в иных церквях мистическое единство с Православием, что не стал исследовать католическую и протестантскую мистику, которые точно имеют параллели с мистикой восточной, православной [1, с. 312].

Для самого же Н.А. Бердяева Церковь – душа мира, место соединения Божественного и человеческого, где последнее восстанавливается в своей свободе и достоинстве [3, с. 95, 149; 2, с. 380]. Ее нужно понимать исключительно как мистическое, благодатное общество, потому что иное восприятие Церкви приводит «к смешению <…> с обществом природным и законническим» [3, с. 199]. Она также есть богочеловеческий организм и процесс, в котором человек обретает истинную свободу. Свобода же есть то чувство, к которому должны прийти истинные члены Христовой Церкви, неограниченной какими-либо конфессиональными рамками. Она, по мысли Николая Александровича, позволяет христианину реализовать свой талант и потенциал в жизни [3, с. 198].

Так, философ стремится избавиться от церковного конфессионализма, критикует западное католичество, возвысившее человеческую стихию почти до обоготворения в лице папы. Свою мысль Николай Александрович поясняет следующими словами: «Лжерелигиозная антропология западного папоцезаризма, положенная в основу католической теократии, была принижением личности Христа, отделением человеческого от божеского» [3, с. 164]. При этом не оставляет без критики и восточное христианство, подпавшее под иное искушение – цезарепапизм. Если на Западе преувеличивали достоинство человеческой природы, то на Востоке во главу угла ставили Божество. Но и папоцезаризм, и цезарепапизм – ложные попытки «власти мира сего выдать себя за христианскую» [3, с. 165].

Николай Александрович утверждает, что вере во Христа мешает распространенный среди интеллигенции критицизм, психологизм и антропологизм. Эти течения философской мысли суть продукты протестантизма. От них и нужно

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

отказаться, чтобы открыть свое сердце к познанию Спасителя. А также необходимо утвердиться на почве церковной гносеологии и соборного сознания, которые позволяют освободиться от релятивизма и узреть истинную сущность всего в мире, а особенно человека [3, с. 74].

По мнению философа, быть членом Церкви – значит быть посвященным в тайны христианства, в его мистическую жизнь [3, с. 19]. Это знание приобретается не через чтение схоластических богословских трудов, но через Таинства. «В церковных догматах – всегда максимум мистики, максимум безумия, максимум антиномичности. В ересях – всегда рационализм, ослабление антиномичности, боязнь безумия, движение по направлению наименьшего сопротивления», – пишет Николай Александрович [3, с. 27]. Сами Таинства ведут от индивидуализма к соборности, кафоличности, так как истина, тайны жизни и бытия раскрываются только вселенскому церковному сознанию [3, с. 24].

XIX век стал эпохой поиска в Церкви Святого Духа. Н.А. Бердяев пишет, что русские религиозные мыслители начали искать Вселенской Церкви и новых откровений. Но главный недостаток таких поисков заключается в том, что они исходят не из глубин недр Церкви. Она своей таинственной жизнью, которую философ называет мистикой, сможет верно преображать мир [4, p. 134]. Эта мистика должна быть радикальной: не постепенные реформы необходимы Церкви и миру, но радикальное изменение через мистику, которая предполагает укрепление силы волы, усиление Божьего света в мире [3, с. 24].

Также мыслитель указывает на важную роль России в деле религиозного преображения всего мира: именно она сможет «соединить восточное созерцание Божества и охранение божественной святыни православия с западной человеческой активностью, с исторической динамикой культуры» [3, с. 184]. Так придет эпоха Третьего Завета, время, когда произойдет соборное слияние Христа с миром, когда Вселенская Церковь совершит космическое преображение всей твари, плоти мира [3, с. 186].

Обожение мира происходит при совершении Таинства Божественной Евхаристии. Пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь и есть преображение

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

мира, совершаемое не просто в душе принимающего Божественные Дары, но во всем космосе [3, с. 208]. Только Церковь, по мысли философа, имеет все силы для преосуществления бытия, чуда преображения, благодати и свободы [3, с. 208]. В связи с этим Н.А. Бердяев выражает мысли о вере Церкви в божественность материи. «Церковь ждет преображения плоти и верит в божественность материи, в возможность просветления материи», – пишет он [3, с. 209]. Доказывается этот тезис фактом боговоплощения, заложившим тайну плотеобожествления.

Так, с одной стороны, можно увидеть вполне православную позицию Н.А. Бердяева относительно понимания Церкви, но, с другой, он стоит скорее на философских позициях, чем на богословских. Это доказывается согласием мыслителя с мнением о космизме Церкви.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. V. – Париж: YMCA-Press, 1997. – 202 с.

2. Бердяев Н.А. Смысл творчества. – М.: АСТ, 2018. – 416 с.

3. Бердяев Н.А. Философия свободы. – М.: Юрайт, 2018. – 201 с.

4. Young G.M. The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 296 p.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)